Именно здесь чаще всего можно наблюдать явление «статусности», престижности потребления, когда то происходит не с целью личного развития, а с целью приобретения престижа в глазах других людей.

1. Буряк Н.Ю. Особенности // Вестник ИМСИТ. 2017. № 2 (70). С. 50-52
2. Зборовский Г.Е. Общая социология. Екатеринбург. 1997. 472 с. С. 464-465.
3. Каган М.С. Философия культуры. СПб. 1996. С. 143-147.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Святой Макс // Полн. собр. соч. 2-е изд. М. 1955–1981. Т.3. С. 13-452.
5. Петров Л.И., Петрова С.И. Становление категории "потребность" // Вестник КрасГАУ. 2012. № 11 (74). С. 224-227.
6. Петрова С.И. Культурные процессы // Бюллетень науки и практики. 2016. № 7 (8). С. 222-225.
7. Петрова С.И. Детерминанты культурных процессов в обществе // Вестник КрасГАУ. 2011. № 1 (52). С. 193-196.
8. Петрова С.И. Потребности и потребление в современном социальном контексте // Омский научный вестник. 2010. № 1 (85). С. 209-212.
9. Уайт Л.А. Понятие культуры // Антология исследований культуры. СПб. Унив. Книга. 1997. С. 17.
10. Kroeber A. L., Kluckhohn A. Critical Review of Concept and Definitions. Harvard Univ. 1952.

Тюхова И.С.

Манипуляция как форма управления политическим сознанием

*Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-10-2019-105

idsp: ljjournal-10-2019-105

Аннотация

Феномен манипулирования, рассматриваемый в статье, составляет одну из остро поставленных проблем на сегодняшний момент и оказывает влияние на информационное поле бытия не только онтологического характера, но и самого онтического бытийственного основания в контексте рассмотрения структурированности политического сознания. Сознание раскрывает множественные положения различного рода форм самого бытия как такового, позволяя в наибольшей степени указать на своеобразную деятельностную активность в одной из заявленных форм: политическое сознание. Политическое сознание имеет свойство представления собственной самости в качестве одной из форм сознания общественности, когда происходит возникновение формализации с появлением власти политического характера и непосредственной государственности.

Ключевые слова: манипуляция, управление, политическое сознание, бытие, сознание общественности.

Abstract

The phenomenon of manipulation of the article, is one of the posed problems at the moment and has an impact on the information field being not only ontological, but onticheskogo substantial grounds in the context of structured political consciousness. Consciousness reveals multiple positions of various forms of being itself, allowing the greatest degree to indicate a kind of activity in one of the declared forms: political consciousness. Political consciousness has the property of representing one's own self as one of the forms of public consciousness, when there is an emergence of formalization with the emergence of political power and direct statehood.

Keywords: manipulation, management, political consciousness, being, self.

Фактор феноменологичности политического сознания позволяет с определенной степенью указать на заданный принцип наиболее общей категории содержательного

плана, характеризуя и выявляя в большей степени субъективную сторону политического сознания. Таким образом, согласно своему собственному содержательному моменту, происходит наиболее полный охват представлений граждан, явленных теоретическими, чувственными, мотивационными и ценностными аспектами бытия как онтического, так и онтологического составляющего, что определяется наиболее важными критериями оценивания данной парадигмальной соотносимости. И в качестве прояснения феномена политического сознания как такового следует с необходимостью указать на предметную область самого сознания как такового.

На протяжении разворачивания исторической процессуальности понимание самого феномена сознания было различным, однако никогда не могло являться каким-либо конечным знанием данного и явленного нам феномена познания бытийственных оснований. За последние же 20 лет произошел своеобразный скачок, возможно, даже некая волновая протяженность самой линии гносеологического акта, представленного в бытии онтического толка. Два концептуальных положения, выраженных наиболее явленным и структурированным образом, касаемом тематики феномена сознания, представлены парадигмальными принципами в контексте философского познания, что является интересным и важным в качестве указания определенных рамок позициональности. Политическому сознанию, подобному другим формам сознания общественности, присущи собственные уровни познания с соответствующими характеристиками: уровень идеологический и уровень психологический. Первое же, определяемое довольно широким диапазоном, в совокупности с существенными положениями действительного плана контекстуально выявляет все признаки не только лишь идеологического содержательного момента, но и всю атрибутивность психологических критериев бытия. В таком случае можно утверждать всю фактичность определяемой основы структуры политического сознания. Итак, политическое как таковое имеет свойство некоего определения собственной самости посредством различных идейных настроений, традиционных положений какого-либо характера, неких чувственных критериев понимания как онтического бытия, так и различного рода систем целостного наполнения теоретическим содержательным аспектом познания, что позволяет достигать всевозможного и наиболее полного отражения коренных и изначальных взглядов всего социума, а также взаимоотношений социальных групп друг с другом и различными общественными политическими институтами. Что довольно примечательно, при исключении из подобного определения существенных положений политического сознания именно структурных единиц, посредством коих происходит складывание чувственного познавательного акта политического бытийственного основания общественности и общности, получаем в итоге самую настоящую политическую идеологию, не больше – не меньше. Однако если данное произойдет, в таком случае человеческое познание структуры и фактичности самого политического сознания общественности будет не то что неполным, а самые важнейшие положения будут далеко за возможными пределами понимания самой структуры политического бытия.

Например, возможно ли конечное понимание множественных причин конфликтов межнационального характера, их обусловленности, не учитывая антипатии или симпатии устойчивого характера, что с необходимостью присущи всем этносам? Возможно ли игнорирование политической настроенности общества, его социальных групп, слоев при попытке осуществления общественного переворота или какого-либо политического реформирования? То есть настроенность общественности вкупе с антипатиями, симпатиями, привычками, традициями своего народа или этноса – явление объективного характера, с коим партийность, да что там, само государство в период проведения политической практики никоим образом не могут пропустить.

Чем же отличается от иных форм сознания общности политическое сознание? Отличие может рассматриваться, начинаясь с самой объективации отражения политического бытия общественности, продолжаясь в разветвлении специфичности категориального аппарата, что с необходимостью присущ каждой из форм бытийственных оснований, относительно заканчиваясь в наибольшем конкретизировании выражения самости субъекта познавательного акта. Разумеется, настоящим положением указываются следующие категориальные оппозиции, полагающие непосредственное отражение различного рода общецивилизационных ценностей политического масштаба всего бытия, будь то социальные институты, гражданское общество, вариативность демократического строя, даже непосредственное разделение властей и т.д., что тем не менее никоим образом не отменяет превалирующее положение факторов, имеющих направленность непосредственно внутрь сознания самого субъекта, являя в полноценном масштабе факторы чувственного восприятия окружающей действительности. [1] Чем же может объясняться специфика данного рода? А именно тем, что само политическое сознание является, в некоторой степени, обязательным элементообразующим фактором бытия при непосредственном собственном возникновении, что обязано своей позициональностью расколу общественных институтов, являя абсолютно диаметрально противоположную фактологию, опирающуюся на различные интересы, что присущи в собственной структурной онтологичности социально-экономическим базовым структурам бытия общественности.

Однако при появлении различных полиэтнических образований государственности с чрезвычайно интересными и довольно серьезными взаимоотношениями как между населением этнических групп, так и отношениями, касаемыми других государств, а также при необходимом рассмотрении парадигмальных положений структурированного бытийственного основания как раз и происходит та самая процессуальность своеобразных выходов на совершенно иные социокультурные позиции. То есть, фактически, абсолютно вся среда, понимаемая в совокупности социальным характером, имеет наличествующие свойства реальной возможности наложения довольно обширных и заметных отпечатков на факторы построений различных идеологов, мыслителей как таковых в аналогичной степени в рамках историографической понятийности данных местоположений. Здесь возникает проблематика понимания сущностных характеристик идеологии в качестве, например, некоего духовного феномена. Ответом на заданные вопросы, касающиеся многовариативных причинно-следственных принципов идеологического характера, направленности на рассмотрение оных в качестве различного рода политических практик, становится совершенно и категорически неоднозначным фактором прояснивания феноменологичности данного рода абсолютная неоднозначность понимания сущностных элементообразных позициональностей, зависящих от направленности нашего восприятия и понимания данных элементов. То есть либо происходит процесс понимания принципов в качестве результатов исследовательского процесса, направленного на выявление и раскрытие социально-экономического действительного положения, либо уже понимание принципов в качестве априорных элементов, что, впрочем, совершенно не отменяет тот факт, какого вида практика используется на данном этапе исследовательского материала: совершенная и всесторонняя, несовершенная и односторонняя.

Таким образом, для наиболее правильного ответа на данный вопрос о политической практике, понимаемой в качестве критериев истинности идеологических принципов, а этот критерий не только абсолютен (в силу своей единственности), но и относителен: сама практика может быть (и, как правило, бывает) далека от совершенства. Поэтому, когда очевидным образом возникает проблематика конфликтных положений между принципами идеологического характера и практикой политического составляющего, в данном случае на первый план выходит

непосредственный анализ самой практики с раскрытием и выявлением несовершенств возможного характера с последующим их устранением, нежели приспособление к данному теоретическому материалу, явленному в концептуальных положениях несовершенной практикой, что тем более не может позволить как-то опереться на видимые положения теоретического плана понимания. Это отнюдь не означает, что политическая практика не может и не должна корректировать систему идеологических принципов, но это возможно только по каналам обратной связи.

В реальной действительности бытийственного определения структурных положений, касаемых жизни политического составляющего непосредственными критериями онтологии, онтики и аксиологии, а также в разворачивании борьбы идеологического масштаба в рамках историософского процессуального действия встречаются взаимоисключающие абстрагированные позиции, повествующие в схематизированном масштабе представлений о непосредственных взаимоотношениях и взаимодействиях идеологических принципах и политической власти.

Суть рассуждений и выводов такова: если мы на практике не достигаем результатов, то виновны в этом идеологические принципы и их требуется или отбросить или, по крайней мере, основательно подкорректировать. При этом не отрицается, что сами «виноватые» принципы были в свое время синтезированы из политической практики (хотя, как будет показано ниже, не только из нее). Но эта исходная практика объявляется безнадежно устаревшей, да и к тому же не совсем правильно понятой.

По этой схеме идеологические принципы оказываются результатами исследования не только и не столько политической практики, сколько социально-экономической действительности в целом; политическая же практика входит в последнюю модель восприятия мирового пространства в качестве одного из компонентов, причем компонентов производных. Если налицо негативные результаты политической практики, это отнюдь не означает, что немедленно должны отбрасываться и корректироваться соответствующие идеологические установки.[2] Сигналы рассогласования имеют собственную направленность на поступление из политической практики в идеологию, которая на основе этого «заказа» углубляет и обновляет свой анализ социально-экономической действительности (сюда, собственно говоря, входит и скрупулезный анализ самого «заказчика») и вносит, если оказывается необходимым, коррективы в систему принципов. Этот прирост информации (Д) передается в политическую практику и служит для нее руководством к действию. Воздействие идеологии на политическую практику осуществляется посредством овладения ею сознанием людей, в том числе политическим массовым сознанием. Любая корректировка идеологической системы влечет за собой необходимость соответствующей переориентации масс. Это обязывает еще более осторожно и взвешенно обращаться с идеологическими принципами, а тем более с опаской относиться к их ниспровержению.[4]

Итак, манипулирование понимается в наиболее различных концептуальных положениях: господство, влияние над своеобразным духовным состоянием личности, индивида, индивидуальности, где происходит само управление изменчивостью внутреннего мироположения, как определенное скрытое применение властью предполагается идти вразрез с волей человека, на которого и направлен сам акт манипулятивных техник.[3] Манипуляция сама по себе трактуется в качестве скрытого влияния на совершение какого-либо необходимого для самого манипулятора выбора для способа иного структурирования мира, позволяющего выиграть необходимое положение вещей, также понимается, как своеобразная инициация поведенческой рефлексии посредством игры или обмана на слабостях объекта манипуляции, где происходит отношение к данному субъекту как к орудию, средству. То самое скрытое программирование, принуждение мыслей, чувств, намерений, установок, самого поведения, эксплуатация субъекта познания, использование оно в качестве объекта –

все это мастерское использование и управление, имеющее собственную целевую направленность.[5]

Необходимо рассмотреть определение феномена политического сознания в контексте манипулирования, что, конечно же, с необходимостью, опирается на проблематику самого сознания как такового.[6, 58-62] «Основой сознания является восприятие – это своеобразный процесс, развернутый во времени и пространстве. Однако именно от подсознания зависит восприятие человеком скрытых, сублиминальных воздействий, а также воздействий со стороны манипуляторов, имеющих свои собственные цели, которые с помощью специальных технологий вводят в подсознание человека психологические установки».[7, 30] Политическое сознание определяется совокупностью взглядов, идей, теорий, знаний, представлений, что представляют отношения власти и общества, то есть политическое сознание является своеобразным процессом и результатом отражения именно политической жизни самого общества в сознании индивида, личности.

И на само формирование политического сознания оказывает влияние политическая психология, предъявленная мотивационно-субъективной сферой поведенческой рефлексии политической жизни участников.[8] Данная сфера основывается на определенных двигательных механизмах, что коренятся в подсознании и сознании каждого человека: ментальность, темперамент, память, воля, что более важно – психологический склад.

Разумеется, важнейшим фактором манипулирования и влияния на самое формирование политического сознания является идеология, представленная целостным и систематизированным учением, направленным на обоснование и защиту политических позиций различных политико-социальных слоев и групп. Таким образом, сама по себе политическая идеология может абсолютным и кардинальным образом определять, пояснять, раскрывать само политическое сознание отдельных групп, индивидов, личностей как таковых. Именно в данных аспектах в наиболее ярких положениях раскрывается сам феномен манипулятивных актов, представленных различными формами, направленными на определенную идеологичность системы государства.

Итак, формирование как сознания политического, так и сознания как такового происходит в процессе коммуникации в субъектно-субъектных, субъектно-объектных, объектно-объектных отношений на базе онтологических характеристик объективно существующей реальной действительности. Разумеется, на протяжении всей жизни человек старается определенным образом облегчить собственное существование, называя данный феномен прогрессом. Однако следует понимать, что становление пассивным в собственных действиях имеет свойство становления пассивного мышления каждого и отдельного индивида, а значит, приводит к снижению активности сознательной деятельности мышления всего человечества. А поскольку человек как таковой с необходимостью является вписанным в Бытие, тогда происходит определенное разрушение базовых и фундаментальных позиций, с помощью которых и существует не только лишь бытие онтологическое, бытие онтического плана, но и бытие самого человека. И в этом отношении, подрыв данных критериев совершенно необходим манипулятору, ибо в таком случае, он становится, практически, единственным, кто сохраняет и приумножает собственные факторы самого мышления, а значит, вполне может, в прямом смысле этого слова, по щелчку пальцев изменить саму реальность в ту сторону, которая необходима, собственно говоря, ему самому.

1. Осипов В. Е., Банкерова Е. И. Историческое сознание, его роль и место в структуре общественного сознания // Культура. Наука. Образование. 2010. № 1 (14). С.5-32.
2. Шестопал Е. Б. Политическая психология. М.: Инфра-М, s002. 448 с.

3. Селезнева А. В. Поколения в российской политике: политические представления и ценности: дисс. ...к. полит. н. М., 2008. 154 с.
4. Ракитянский Н. М. Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. № 6. С. 89-103.
5. Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. 232 с.
6. Швырев В.С. О деятельностном подходе к истолкованию «феномена человека» (попытка современной оценки) // Вопросы философии. 2001. №2. – С.56-66.
7. Пуя Ю.В., Тюхова И.С. Мистерия праздника как средство манипулирования. // Идеи и идеалы. – 2017. – №4. – Т.2. – С. 28-33.
8. Фрейм, практика, вещь. // Социологическое обозрение, 2009. Т. 8. № 1. – С. 71-85.

Тяпин И.Н., Шалагин А.А.

Истоки и детерминанты «Большого взрыва» в современной космологии: подходы и теории

*ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
(Россия, Вологда)*

doi: 10.18411/lj-10-2019-106

idsp: ljjournal-10-2019-106

Аннотация

В работе рассматривается проблема сингулярного и досингулярного состояния Вселенной в контексте сосуществования магистральных и маргинальных направлений в современной космологии, что свидетельствует о философских смыслах представлений о Вселенной как онтологически и эпистемологически непознанном объекте. Несмотря на «сакральность» Вселенной, современная космология способна в рамках теоретического моделирования оперировать уже известными или хотя бы сформулированными гипотетическими законами и силами, что позволяет с большой долей уверенности утверждать в ее прошлом множественность точек сингулярности и бытие в принципиально иных состояниях и структурах, нежели все известные существующие.

Ключевые слова: современная космология, Вселенная, теория развития, инфляционная модель, нейтринный вихрь, поле Хиггса, ложный вакуум, Гипервселенная.

Abstract

The article deals with the problem of the singular and pre-singular state of the Universe in the context of the coexistence of main and marginal directions in modern cosmology, which testifies to the philosophical meanings of ideas about the Universe as ontologically and epistemologically unknown object. Despite the "sacredness" of the Universe, modern cosmology is able to operate within the framework of theoretical modeling already known or at least formulated hypothetical laws and forces, which allows with a high degree of confidence to assert in its past a plurality of singularity points and existence in fundamentally different States and structures than all known existing ones.

Keywords: modern cosmology, Universe, theory of development, inflationary model, neutrino vortex, Higgs field, false vacuum, Hyperuniverse.

Современная космология – это астрофизическая теория структуры и динамики изменения Метагалактики, включающая в себя определенное понимание свойств всей Вселенной. В своих теоретических построениях космология является частью теоретической физики, она использует аппарат специальной и общей теории относительности, квантовой механики, ядерной физики и физики элементарных частиц. С другой стороны, она связана с современной общеполитической теорией развития, существующей в формах эволюционизма (эволюционистики) и глобального